Сказания о павших духах

Стрелецкий крест

Илья Лакеев

Исторический квест

18+

Илья Лакеев
Стрелецкий крест

https://litres.ru/74804377
SelfPub; 2026

Аннотация

В сердце Руси XVII века, где стрелецкая служба — это не только честь, но и ежедневная борьба за выживание, юный Савва делает первые шаги на пути воина и хранителя тайн. Начавшись с будничного рассвета в посаде, его история стремительно превращается в опасное расследование: загадочный узел с рунами, странные знаки на старом кресте, пугающе «тихий» лес — всё это части одной зловещей цепи. Первая настоящая проверка приходит вместе с нападением на заставу: Савве приходится сделать страшный выбор и впервые отнять жизнь, чтобы спасти тех, кто стал ему почти семьёй. Кровь и порох становятся его новой реальностью, а каждый найденный след ведёт к ещё большей тайне — возможно, к кладу, а возможно, к древнему проклятию, которое веками дремало в этих землях. На фоне бурных перемен и заговоров рядом с Саввой — суровый десятник Ерофей, который учит его видеть правду в мелочах, и загадочный барин Василий Петрович Шеин, чьи знания и влияние простираются куда дальше границ посада.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Илья Лакеев
Стрелецкий крест

Глава 1

Туман стелился по посаду, будто сам воздух не решался проснуться. Над крышами, крытыми тёсом, тянулись тонкие струйки дыма: хозяйки растапливали печи, чтобы успеть испечь хлеб до жары. Петух прокричал так громко, что казалось, он хочет разбудить не только деревню, но и саму тишину, что лежала на земле с ночи.Савва стоял у плетня, щурясь на первые лучи. Он не спешил возвращаться в дом: утро было его временем. В эти минуты мир казался честным — без прикрас и без лжи, которую взрослые прячут за вежливыми словами. Он вдыхал запах сырой травы, дыма и далёкой реки, и чувствовал, как внутри шевелится что-то новое, будто за ночь в нём проклюнулся росток, которому тесно в привычной коже.По улице прошёл стрелец в кафтане, тяжёлый шаг отдавался в земле. Савва проследил взглядом за ним, как делал каждое утро: в фигуре стрельца было что-то незыблемое, словно он держал на плечах сам порядок мира. Но сегодня Савве показалось, что в глазах воина мелькнула усталость — или даже страх, тут же спрятанный под маской суровости. И от этого мир на секунду дрогнул.У колодца ста-

руха Агафья бормотала что-то над ведром, крестя воду трижды, прежде чем зачерпнуть. Савва знал: она шепчет обережные слова, чтобы вода не принесла беды. В их слободе верили, что утро — время, когда граница между мирами тоньше всего, и если не сказать нужных слов, можно впустить в дом то, что лучше держать за околицей.— Чего глазеешь? — рявкнул из-за забора соседский мальчишка Тёма, швырнув в сторону палку. — Или опять свои сны рассказываешь?Савва промолчал. Сны и правда снились странные: будто крест на старой часовне светится изнутри, а тени шепчут имена, которых он никогда не слышал. Но говорить об этом вслух было опасно: одни сочтут юродивым, другие — ведьмаком. А ему хотелось, чтобы его просто считали своим.За спиной скрипнула дверь, и на крыльцо вышел барин Василий Петрович Шеин. Высокий, прямой, с лицом, будто высеченным из камня, он остановился, глядя на рассвет так, словно пытался прочесть в нём будущее. Савва невольно втянул голову в плечи — барин редко замечал простых людей, но когда замечал, это всегда что-то значило.— Ты чего тут стоишь, парень? — голос барина прозвучал не грозно, а скорее устало. — Не спится?— Так… утро, ваше благородие, — пробормотал Савва, чувствуя, как краснеют уши. — Красиво…Барин хмыкнул, будто услышал что-то одновременно глупое и правильное.— Красиво, — повторил он тихо. — Пока красиво.И в этом «пока» прозвучало что-то тяжёлое, будто он знал о надвигающейся буре, а все остальные ещё

верили, что солнце светит просто так.В этот момент крест на часовне, стоявшей на краю посада, вспыхнул на долю секунды холодным голубым светом — так быстро, что Савва подумал: показалось. Но когда он снова посмотрел туда, тень от креста лежала не туда, куда должна была падать по солнцу.Мир ещё был прежним. Но перелом уже начинался. Утро уже не казалось Савве таким честным, как вчера. Вчера мир был просто миром — с дымом из труб, петухами и старухой у колодца. Сегодня в воздухе висело ожидание: будто кто-то натянул невидимую тетиву, и она звенела от напряжения.Савва шёл по улице, стараясь держаться ближе к заборам, чтобы не попадаться на глаза тем, кто смотрит строго. Вчерашний разговор с барином Шеиным не давал покоя: в словах Василия Петровича было что-то тяжёлое, как будто он знал про надвигающуюся бурю, но не имел права предупредить.На площади у приказной избы толпились люди: стрельцы в кафтанах, городские старшины, пара купцов с озабоченными лицами. Над всем этим витал запах железа, кожи и тревожного ожидания. В центре площади стоял сотник Игнатий Фомич — суровый, с лицом, будто вырубленным топором, и взглядом, который не упускал ни одной мелочи. Рядом с ним переминался писарь, держа в руках свиток, скреплённый восковой печатью.— Эй, парень! — окликнул кто-то. Савва вздрогнул и обернулся. Это был десятник Ерофей, которого он знал по прошлым ярмаркам: тот всегда угощал мальчишек медовым пряником, если они помогали носить

корзины. — Чего стоишь столбом? Стройся с остальными! Сегодня не день для зевак.Савва послушно встал в шеренгу с другими юношами из посада. Их было человек десять — кто постарше, кто помладше, но всех объединяло одно: они впервые стояли перед настоящей службой, и от этого колени предательски подрагивали.Сотник Игнатий Фомич хлопнул ладонью по столу, который вынесли из избы специально для объявления приказа, и голос его прокатился по площади, как раскат грома:— Слушайте царский указ! В слободе и на дорогах неспокойно. По лесам бродят лихие люди, на трактах пропадают обозы, а в ночи слышны чужие голоса. Нам велено усилить дозоры, проверить заставы и держать ухо востро. Отныне каждый, кто может держать пищаль или саблю, обязан служить по очереди. Сегодня назначаю первый наряд.Сердце Саввы ухнуло куда-то вниз. Он не боялся драки, но боялся подвести. Боялся, что дрогнет рука, что не поймёт приказа, что окажется не тем, кем должен быть.— Ты! — палец сотника упёрся прямо в Савву. — С виду крепкий, глаза ясные. Пойдешь с дозором к старой часовне, где дорога уходит в лес. Там нынче самое тихое место, а значит, самое опасное. С тобой пойдут двое стрельцов да десятник Ерофей. И запомни: служба — это не про славу. Служба — про то, чтобы сосед вернулся домой живым.Савва хотел что-то сказать — кивнуть, поблагодарить, просто выдохнуть, — но слова застряли в горле. Он лишь молча кивнул, чувствуя, как на плечи ложится тяжесть, которой раньше там не бы-

ло.Десятник Ерофей подошёл к нему, положил тяжёлую руку на плечо и тихо, чтобы слышал только Савва, сказал:— Не трясись. Первый приказ всегда самый тяжёлый. Главное — смотри по сторонам, слушай тишину и не стесняйся спрашивать. Лучше спросить десять раз, чем пропустить один шаг врага.Они двинулись к воротам слободы. По дороге Савва ловил на себе взгляды: кто-то смотрел с одобрением, кто-то с завистью, а кто-то — с жалостью, будто уже знал, что впереди у парня будет не одно испытание.Когда они вышли за ворота, солнце как будто стало ниже, а тени — длиннее. Лес стоял молчаливый, будто затаил дыхание. И тут Савва вспомнил вчерашний свет на кресте часовни. Вспомнил, как тень легла не туда. И вдруг понял: тишина здесь не добрая. Она была напряжённой, как тетива лука.Часовня показалась из-за поворота — старая, потемневшая от дождей, с покосившимся крестом. На ступенях сидел стрелец, хмуро глядя на дорогу.— Давно тут? — спросил Ерофей.— С рассвета, — буркнул стрелец. — Тихо. Слишком тихо. Ни зверя, ни птицы. Как будто лес сам себя спрятал.Савва невольно сжал рукоять ножа, который ему выдали перед выходом. Не для боя — для работы, для хлеба, для веток. Но сейчас он ощущался как оружие.Ерофей кивнул, будто подтверждая свои мысли:— Значит, будем ждать. И смотреть. И слушать.И они стали ждать. Но Савва уже знал: этот день — не просто первый наряд. Это первый шаг по дороге, с которой не сворачивают. Дозор тянулся медленно, будто время решило про-

верить терпение каждого. Савва сидел на нижней ступеньке старой часовни, стараясь не шевелиться: Ерофей учил, что в тишине слышно больше, чем в крике. Ветер шелестел в траве, птицы изредка перекликались — и каждый звук Савва теперь раскладывал на части: свой или чужой, обычный или тревожный.Стрелец, что дежурил здесь с рассвета, протянул ему кусок чёрствого хлеба:— Держи. Служба без еды — не служба. Да и силы пригодятся.Савва кивнул, откусил, но вкуса почти не почувствовал: тревога сидела в груди, как камень.Ерофей ходил вдоль опушки, проверял тропы, иногда наклонялся, разглядывая землю. Вдруг он замер, присел на корточки и поманил Савву:— Подойди. Глянь сюда.Савва подошёл, присел рядом. На мягкой земле у края тропы виднелись следы — не звериные, не совсем человеческие: будто кто-то шёл, но старался не оставлять глубоких отпечатков. А рядом, на ветке кустарника, висел обрывок грубой ткани, тёмно-бурый, будто пропитанный чем-то.— Кровь? — тихо спросил Савва.— Или краска. Или дёготь. Не спеши с выводами, — буркнул Ерофей, но пальцы его осторожно потрогали ткань. — И вот ещё… глянь.Чуть дальше, у корней старого дуба, лежал небольшой предмет: кожаный ремешок, а на нём — узел. Не простой, не для крепления. Петли ложились странно, будто в них был спрятан узор. Савва потянулся, чтобы взять, но Ерофей резко перехватил его руку:— Не трогай. Пусть лежит. Такие штуки лучше не брать голыми руками, пока не поймёшь, зачем их бросили.Савва замер. В

его памяти щёлкнуло: вчерашний шёпот старухи Агафьи у колодца, её крестное знамение над водой, слова о том, что «на границе миров узлы вяжут не для пользы».— Это… оберег? — прошептал он.— Оберег вешают на ворота, а не бросают у тропы, — ответил Ерофей хмуро. — Это метка. Или приманка.Он достал нож, аккуратно подцепил ремешок за край и поднял, чтобы рассмотреть. Узел состоял из трёх переплетённых петель, и в центре каждой будто проступал едва заметный знак: не буква, не цифра, а что-то среднее между рисунком и руной.— Никогда такого не видел, — признался Савва. — Что это значит?Ерофей покачал головой:— Знать бы… Но есть у меня знакомый человек в слободе, который разбирается в старых знаках. Да и барин Шеин, говорят, книги читает не только царские указы. Если узел заговоренный, лучше знать наверняка.В этот момент тишину разорвал резкий крик совы — слишком громкий, слишком неестественный. Савва вздрогнул. Ерофей мгновенно пригнулся, сжал рукоять сабли:— Это не птица. Это сигнал.Из-за деревьев на тропу вышел незнакомец. Высокий, в тёмном кафтане, лицо наполовину скрыто капюшоном. В руке он держал посох с железным наконечником, и на груди у него висел точно такой же узел — только крупнее, ярче, будто вырезанный из кости.— Кто такие? — голос у незнакомца был низкий, спокойный, но от него по спине бежали мурашки. — И что вы тут трогаете?Ерофей встал между ним и Саввой, не вынимая саблю, но держа её так, чтобы было видно:— Стрельцы

на дозоре. Нашли вот это у тропы. А ты кто таков, что спрашиваешь, будто хозяин леса?Незнакомец не двинулся с места, но его взгляд скользнул по ремешку в руке Ерофея, и в глазах мелькнуло что-то похожее на тревогу.— Оставьте это там, где нашли. Узлы не любят, когда их путают. А если хотите знать, что тут творится, спросите у того, кто знает цену тишине.С этими словами он резко развернулся и исчез в лесу так быстро, будто его и не было. Только ветка качнулась, да на земле остался след — такой же странный, как и тот, что они нашли раньше.Ерофей медленно опустил саблю, выдохнул:— Ну, парень… вот тебе и первая загадка. Узел, знаки, человек, который знает про них больше нас. И тишина, которая кричит.Савва смотрел на ремешок, на переплетённые петли, и вдруг понял: этот узел — не просто находка. Это начало пути, где каждое «почему» тянет за собой ещё три вопроса. И если он хочет остаться живым и не подвести тех, кто ему доверился, придётся учиться видеть то, что скрыто.— Куда теперь? — спросил он тихо.— К барину Шеину, — твёрдо сказал Ерофей. — Пусть решает, что делать с этим узлом. А ты… запомни всё, что видел. Даже мелочи. В службе мелочь — это и есть правда.Они собрали вещи, погасили костёр, и тропа повела их обратно к посаду. Но теперь каждый шаг звучал иначе. Мир уже не был просто миром: в нём появились узлы, знаки и тени, которые знали больше, чем люди. Путь к заставе шёл вдоль старого вала, где земля ещё хранила следы давних укреплений: поросшие травой

рвы, полусгнившие брёвна, будто кости давно умершего зверя. Савва шагал рядом с Ерофеем, стараясь не отставать и не выдавать, как гулко стучит сердце. В руке он сжимал выданную пищаль — тяжёлую, неудобную, пахнущую железом и дымом. Он знал, как её заряжать, но не знал, хватит ли духу выстрелить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.